

А

А. Д. Галахов

Из "Сороковых годов"

Литературные мемуары. Гоголь в воспоминаниях современников

Серия ЛИТЕРАТУРНЫХ МЕМУАРОВ

Под общей редакцией: Н. Л. БРОДСКОГО, Ф. В. ГЛАДКОВА, Ф. М. ГОЛОВЕНЧЕНКО, Н. К. ГУДЗИЯ

М., ГИХЛ, 1952

ОСР: Александр Продан

... Припомню несколько моих свиданий с Гоголем, Первое относится к тому времени, когда вслед за "Вечерами на хуторе близ Диканьки" явились "Арабески" и "Миргород". Автор их приехал в Москву³¹¹, где у него уже было немало почитателей. В числе их, кроме Погодина и семейства Аксаковых, состоял и короткий их знакомый, А. О. Армфельд, профессор судебной медицины и в то же время инспектор классов в Николаевском сиротском институте, где я преподавал историю русской словесности. Он пригласил на обед близких знакомых, в том числе и меня, жаждавших лицезреть новое светило нашей литературы. Обедом не торопились, зная обычай Гоголя запаздывать, но потом, потеряв надежду на его прибытие, сели за стол. При втором блюде явился Гоголь, видимо смущенный, что заставил себя долго ждать. Он сидел серьезный и сдержанный, как будто дичился, встретив две-три незнакомые личности. Но когда зашла речь о повести Основьяненки (Квитки) "Пан Халявский", напечатанной в "Отечественных записках", тогда и он скромно вставил свое суждение. Соглашаясь с замечанием, что в главном лице (Халявском) есть преувеличения, доходящие до карикатуры, он старался, однакож, умалить этот недостаток. Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что он в невыгодном отзыве о Квитке видел как бы косвенную похвалу себе, намерение возвеличить его собственный талант. Вообще он говорил очень умно и держал себя отлично, не в пример другим случаям.

Вторая встреча устроилась в том же доме. Хозяин (Армфельд) играл в карты с С. Т. Аксаковым, а Гоголь, обедавший с ними, спал на кровати. Проснувшись, он вышел из-под полога, и я был представлен ему, как искренний поклонник его таланта, знакомивший институток с его сочинениями, которые читались мною по вечерам в квартире начальницы, разумеется, с исключением некоторых мест, не подлежащих ведению девиц. Гоголь, бывший в хорошем расположении духа, протянул мне руку и сказал, смеясь: "Не слушайте вашего инспектора, читайте все сплошь и рядом, не пропускайте ничего". -- "Как это можно? -- возразил Армфельд. -- Всему есть вес и мера". -- "Да не все ли равно? Ведь дивчата прочтут же тайком, втихомолку".

Третий раз сошелся я с ним в Москве же, в книжной лавке Бабунова, бывшей Ширяева. Он просил показать ему вышедшие в его отсутствие {Где он был перед этим временем, не припомню.} литературные новинки. Бабунов выложил на прилавок несколько книг, в том числе и новое издание моей "Русской хрестоматии", в трех книгах, из которых последняя, под названием "примечаний", заключала в себе биографические сведения о важнейших писателях и оценку их деятельности. Гоголь, разумеется, был превознесен выше облака ходячего, но и он польстил мне, когда в число отобранных им книг включил и мой учебник.

Четвертое и последнее свидание было во время летней вакации, не помню какого года. Краевский приехал на побывку в Москву и остановился у В. П. Боткина. Каждое утро я отправлялся к ним на чаепитие и веселую беседу. В один из таких визитов неожиданно является Гоголь, по возврате из чужих краев -- каких именно, тоже не помню. Я несколько сконфузился, вспомнив мое письмо к нему, написанное по поводу предисловия его ко второму изданию первого тома "Мертвых душ"³¹² и напечатанное в "Отечественных записках" 1847 года {Февраль, отдел критики, т. 50.}. Гоголь, на мой взгляд, изменился: похудел, стал серьезнее, сдержанней, не выказывая никаких причуд или капризов, как это им делалось нередко в других более знакомых домах. Боткин предложил где бынибудь пообедать. Гоголь охотно согласился: чего же лучше, -- прибавил он, -- как не в гостинице Яра, близ Петровского парка? Таким образом, мы провели время вчетвером очень приятно благодаря прекрасной погоде и повеселевшему дорожному гостю ...

С этих пор и до самой его кончины мне не удалось с ним встречаться. В последний приезд его в

А